

ИЗЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Въ Субботу, 11-го января, исполнился сороковой день со времени кончины профессора академіи В. Д. Кудрявцева-Платопова. Въ академической церкви въ этотъ день въ 9^{1/4} ч. утра совершена была заупокойная литургія о ректоромъ съ соборомъ академическаго духовенства въ присутствіи всей корпораціи, студентовъ и родственниковъ покойнаго. На причастномъ, послѣ приобщенія, о. ректоръ произнесъ краткое слово. Въ этомъ словѣ, не принимая на себя задачи возстановлять снова въ памяти присутствовавшихъ высокой умственный и нравственный образъ покойнаго, такъ искренно и такъ полно обрисованный въ многочисленныхъ рѣчахъ при погребеніи, проповѣдникъ счелъ лишь нужнымъ напомнить слушателямъ, что при выраженіи чувствъ скорби по поводу тяжелой утраты и чувствъ глубокаго уваженія къ личности покойнаго, между прочимъ, не разъ высказывалось желаніе и даже обѣщаніе въ томъ смыслѣ, что не словами только, а дѣлами мы постараемся почтить дорогую память своего наставника, — постараемся жизнью своею доказать, что святыя завѣты христіанской мудрости и любви, возвѣщавшіеся намъ и словомъ и жизнью философа-христіанина, найдутъ и въ насъ себѣ посильныхъ провозвѣстниковъ. Вотъ это-то обѣщаніе проповѣдникъ и находилъ благовременнымъ напомнить теперь, когда минуло уже сорокъ дней со времени кончины покойнаго, указывая при этомъ на общую человѣческую слабость, благодаря которой многія обѣщанія, даваемыя подъ впечатлѣніемъ какихъ-либо сильныхъ событій, по мѣрѣ ослабленія временемъ этихъ впечатлѣній отходятъ обыкновенно на задній планъ, а часто и совсѣмъ забываются. — На панихиду послѣ литургіи съ академическимъ духовенствомъ вышелъ о. архимандритъ Борисъ, бывший нѣсколько лѣтъ тому

назадъ инспекторомъ Московской академіи и сослуживцемъ покойнаго Виктора Дмитріевича, а въ настоящее время захватившій въ посадъ на пути своемъ изъ Кіева въ С.-Петербургъ по вызову высшаго духовнаго начальства.

Кончина незабвеннаго Виктора Дмитріевича поставила на очередь трудный вопросъ о возможной замѣнѣ его кѣмъ-либо въ разныхъ областяхъ академической жизни, гдѣ онъ былъ всегда авторитетнымъ и уважаемымъ дѣятелемъ.

Наиболѣе труднымъ представлялось разрѣшеніе вопроса о томъ, кого поставить преемникомъ Виктора Дмитріевича по кафедрѣ метафизики. Этотъ предметъ такого рода, что для его научной обработки и успѣшнаго преподаванія недостаточно только философскаго образованія и склада мыслей, какъ-бы ни были они широки и серьезны; но необходима еще особая душевная настроенность, далеко не часто бывающая принадлежностію философскихъ мыслителей. Вотъ почему задача замѣщенія кафедры метафизики представляется гораздо болѣе трудною, чѣмъ если-бы дѣло шло о кафедрахъ исторіи философіи или психологій. Вотъ почему духовнымъ академіямъ приходится въ этомъ случаѣ испытывать иногда и нѣкоторыя затрудненія, когда напр. глубоко-серьезный и талаптливыи профессоръ считаетъ лучшимъ при первой возможности проститься съ метафизикой и перейти на другую философскую кафедру, или когда эта кафедра метафизики остается по нѣскольку лѣтъ даже и совсѣмъ не занятой прочнымъ и постояннымъ преподавателемъ. Когда вопросъ о преемникѣ Виктора Дмитріевича поставленъ былъ на очередь, совѣтъ московской академіи единодушно склонился къ мысли, что было-бы наиболѣе желательнымъ и полезнымъ для академіи, если-бы доцентъ А. П. Введенскій нашелъ для себя возможнымъ перейти съ занимаемой имъ кафедры исторіи философіи на кафедру метафизики и логики. Въ этомъ смыслѣ совѣтъ просилъ о. ректора войти въ письменныя сношенія съ Г. Введенскимъ, находящимся въ настоящее время въ заграничной командировкѣ въ Берлинѣ, что и было сдѣлано безъ промедленія. Около половины января отъ Г. Введенскаго получены благопріятныи желанія совѣта отвѣтъ, а потому этотъ вопросъ почти уже можно считать благополучно рѣшеннымъ.

Кромѣ научнаго служенія, покойный Викторъ Дмитріевичъ

принималъ близкое участіе въ дѣлахъ академіи въ качествѣ члена академическаго правленія и предсѣдателя братства Преподобнаго Сергія для вспомошествованія нуждающимся студентамъ и воспитанникамъ Московской Духовной Академіи, а потому его кончина заставляла позаботиться объ избраніи и въ этихъ сферахъ дѣятельности достойныхъ ему преемниковъ.

По дѣйствующему академическому уставу (§ 93-й), члены правленія должны быть избираемы совѣтомъ изъ числа ординарныхъ профессоровъ. Руководствуясь этимъ правиломъ и соображеніями о наибольшей пользѣ академіи, совѣтъ, въ декабрьскомъ своемъ засѣданіи, избралъ на должность члена правленія ординарнаго профессора по кафедрѣ общей церковной исторіи, доктора богословія А. П. Лебедева, который въ настоящее время, по утвержденіи совѣтскаго избранія Его Высокопреосвященствомъ, и вступилъ уже въ отправление своихъ новыхъ обязанностей.

Для замѣщенія вакантной должности предсѣдателя братства Препод. Сергія совѣтъ братства, руководствуясь уставомъ, назначилъ на 22-е число декабря экстренное общее собраніе, о чемъ члены братства были заблаговременно увѣдомлены разосланными имъ печатными приглашеніями. — Въ назначенный день, въ 6¹/₂ ч. вечера, въ академической церкви о. инспекторомъ, архим. Петромъ, совершена, была соборная панихида по усопшемъ предсѣдателѣ братства, послѣ чего всѣ собравшіеся братчики приглашены были въ квартиру о. ректора, гдѣ и состоялось экстренное общее собраніе братства. Открывая собраніе, о. ректоръ сказалъ нѣсколько словъ, свидѣтельствуя въ нихъ о томъ отрадномъ впечатлѣніи, какое въ продолженіи минувшаго года постоянно выносилъ онъ изъ близкаго соприкосновенія съ дѣлами братства. Какъ почетный, по уставу, членъ братства, о. ректоръ имѣлъ возможность достаточно присмотрѣться къ ходу его дѣлъ и съ искреннею радостію вполне убѣдился въ томъ, что дѣятели братства относятся къ исполненію своихъ обязанностей не внѣшне-формальнымъ образомъ, а съ сердечнымъ сочувствіемъ, — не смотря на нихъ какъ на тяжелую для себя повинность, но влагаютъ и душу въ дѣло свое, придавая тѣмъ своему обществу истинный характеръ братства. — При послѣдовавшемъ за тѣмъ избраніи

предсѣдателя единодушный голосъ всего собранія указаль на профессора Дмитрія Θεодоровича Голубинскаго, какъ на наиболѣе достойнаго и желательнаго для всѣхъ руководителя дѣлами братства. Уважаемый глубоко всѣми Дмитрій Θεодоровичъ съ самаго открытiя братства принималь всегда и принимаетъ самое близкое и горячее участiе въ его дѣлахъ и интересахъ. Въ первые два года существованiя братства онъ былъ его казначеемъ, а съ 1882-го года и до послѣдняго времени — членомъ его совѣта. Глубокая преданность Дмитрія Θεодоровича интересамъ братства и самоотверженная дѣятельность его въ этомъ отношенiи давно уже обращала на себя общее вниманiе и признавалась всѣми членами братства, свидѣтельствомъ чего служить, между прочимъ, то обстоятельство, что еще въ 1889 г. Дм. Θεод. на общемъ собранiи избранъ былъ почетнымъ членомъ „во уваженiе къ постоянному и плодотворному участiю его въ дѣлахъ братства со времени основанiя сего послѣдняго“. Люди, знающiе лично повонизбраннаго предсѣдателя и знакомые съ его прежнею дѣятельностию, вполне увѣрены, что святое дѣло братской благотворительности имѣеть отнынѣ въ его лицѣ достойнѣйшаго и надежнаго руководителя.

Нужно замѣтить, что наступившiй 1892-й годъ, въ исторiи братства имѣеть особенное значенiе; съ этого года открываеть въ Москвѣ свои дѣйствiя особая коммисiя, учрежденiе которой знаменуетъ собою значительное расширенiе круга дѣятельности братства. Два года тому назадъ, въ день академическаго праздника 1 октября 1889 г., на состоявшемся въ Москвѣ товарищескомъ собранiи бывшихъ питомцевъ академiи, по поводу совершившагося ся семидесятилѣтiя, было предложено предпринять, что нибудь въ пособiе тѣмъ изъ бывшихъ воспитанниковъ академiи, которые по какимъ либо несчастнымъ обстоятельствамъ попадаютъ въ безпомощныя и безвыходныя положенiя, лишаются служебныхъ занятiй и необходимыхъ средствъ къ жизни, не имѣють опредѣленнаго приюта, подвергаются неизлѣчимымъ болѣзнямъ и т. п., а также, если можно, въ особенныхъ случаяхъ, и семьямъ умершихъ бывшихъ воспитанниковъ академiи, остающимся въ крайней нуждѣ. Само собою разумѣется, что эта добрая мысль встрѣчена

была всеобщимъ сочувствіемъ, а для ея практическаго осуществленія признано было наиболѣе удобнымъ примкнуть къ существующей уже организаціи братства Препод. Сергія. По уставу братства, его благотворительная дѣятельность можетъ распространяться не только на учащихъ въ академіи студентовъ, что составляетъ его главную задачу, но и на бывшихъ ея воспитанниковъ, уже вышедшихъ изъ стѣнъ академіи. Въ послѣдніе годы, общія собранія братства находили даже возможнымъ сдѣлать кое-что въ этомъ отношеніи, ассигнуя ежегодно небольшую сумму на помощь бывшимъ воспитанникамъ академіи, хотя такая помощь предписывается братству уставомъ лишь „при значительномъ расширеніи его средствъ“. Послѣ многихъ письменныхъ и личныхъ сношеній между московскими братчиками и находящимся при академіи совѣтомъ братства, послѣ обсуждения поставленнаго вопроса на нѣсколькихъ собраніяхъ въ Москвѣ и въ посадѣ, состоялось рѣшеніе образовать въ Москвѣ на извѣстныхъ условіяхъ, въ зависимости отъ совѣта братства, особую комиссію, которая поставляла-бы своею спеціальной задачей организацію помощи бывшимъ питомцамъ академіи. На общемъ собраніи братства, 2-го мая 1891 г., въ составъ этой комиссіи избраны были: членъ совѣта братства, ректоръ московской духовной семинаріи, протоіерей П. В. Благоразумовъ, и члены братства: протоіерей А. М. Иванцовъ-Платоновъ, Г. П. Смирновъ-Платоновъ и А. О. Некрасовъ, священникъ В. А. Быстрицкій и инспекторъ моск. дух. семинаріи А. П. Цвѣтковъ. Организованная такимъ образомъ комиссія уже не разъ собиралась для обсужденія порядка и направленія своей дѣятельности, выработала себѣ программу и съ наступившаго января 1892 года постановила открыть свои дѣйствія. Да благословитъ Господь полнымъ успѣхомъ ея доброе дѣло, чтобы каждый питомецъ московской академіи всегда могъ носить въ душѣ отрадную увѣренность, что его родная академія была и остается для него „alma mater“ не въ то только время, пока воспитываетъ его въ своихъ стѣнахъ; но и во все продолженіе его жизни, — что гдѣ-бы и когда-бы ни постигла его бѣда, родная академія прежде всѣхъ протянетъ ему свою твердую руку помощи.

В. Соколовъ.